

Г.С. СЕМИГЛАЗОВ¹

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

АНАРХИЧЕСКАЯ СОЦИОМЕТРИЯ ЛЬВА ЧЕРНОГО

Аннотация: В современном мире наблюдается возвращение интереса к анархизму. В связи с этим необходимо обратиться к истории учения, поскольку ряд его важных представителей сегодня не известны широкой аудитории. Статья посвящена одному из них — российскому анархисту начала XX в. Льву Черному (Павлу Дмитриевичу Турчанинову). Он был значимой фигурой для отечественного анархического движения, поскольку принимал активное участие в событиях периода двух революций, будучи как практиком, так и теоретиком анархизма. В статье анализируется его программная работа «Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм», вышедшая в 1907 г. По нашему мнению, этот текст представляет Черного не только как убежденного анархиста, но и как социального ученого, близкого к традиции европейской социологии (об этом свидетельствует понятийный аппарат, который использует Турчанинов, в частности, он разграничивает науки об обществе на социологию и социометрию, определяя для каждой свою предметную область). Для подтверждения этого автор статьи ищет в книге Черного его ответы на ключевые для социальных теоретиков вопросы — объяснения действия, социального порядка и социальных изменений. Делается вывод, что идеи Льва Черного интересны не только для исследователей анархизма, но и для социальных ученых и философов.

Ключевые слова: Лев Черный; анархизм; социология; социометрия; индивид; свобода; действие; порядок; изменения.

Для цитирования: *Семиглазов Г.С.* Анархическая социометрия Льва Черного // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 1. С. 122–138. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.1.7847

Введение

В этой статье нам предстоит нелегкое путешествие в пространство анархической теории Павла Дмитриевича Турчанинова (1878–1921), подписывавшегося псевдонимом Лев Черный. Сложность этого экс-

курса обусловлена рядом факторов. Самый главный из них — отсутствие достаточного количества историко-философских работ, могущих пролить свет на генезис интеллектуальной биографии мыслителя.

Список исследовательской литературы, в которой упоминается имя Турчанинова, действительно невелик. Информацию о жизни и эволюции идей этого теоретика можно почерпнуть в текстах таких современных авторов, как И. Аладышкин [1], П. Эврич [19], Д. Бакшт [2], В. Кривенький [13], а также в энциклопедических статьях [15]. Кроме того, допустимо выделить отдельным пунктом воспоминания других российских анархистов начала XX в., которые непосредственно знали Черного, — в их число входят такие важные персоналии анархического движения России, как Всеволод Волин, автор мемуаров «Неизвестная революция» [3], Григорий Максимов [14], Анатолий Горелик [9], Абба Гордин [8].

Принимая во внимание такое небольшое количество работ о Льве Черном, можно согласиться с позицией П. Рябова, одного из ведущих исследователей анархистской социально-политической мысли: «Однако российский анархизм первой трети XX в. — его теория, практика, философия, персоналии, опыт — почти совершенно не изучен и не известен не только широкой публике, но и специалистам по истории российской философии, общественной мысли, культуры. Лишь несколько ученых-историков коснулись этой темы» [16, с. 291]. Поскольку сегодня наблюдается возвращение интереса к анархическим учениям, необходимо обратиться к истории этого движения, чтобы заполнить пробелы в знании о ключевых анархистских теоретиках прошлого века.

На основе упомянутых выше источников кратко поговорим о фигуре Турчанинова. Этот анархист родился в 1878 г. в семье отставного полковника. Черный получил хорошее образование и достаточно рано увлекся политическими проблемами и вопросами социальной справедливости. В 1900-х он принимал активное участие в студенческих движениях, что вызывало конфликты с властями.

В 1903 г. из-за пропаганды анархического учения Черного высылают в Сибирь, где он находился до 1905 г. После амнистии Турчанинов вернулся в Москву и организовал группу «анархистов-ассоцианистов», также занимавшуюся популяризацией анархистских идей. Эта группа действовала до 1907 г., когда ее участники были арестованы, и Черный вновь отправился в ссылку в Туруханский край¹.

Собственно, именно этот период — начало 1900-х — оказался наиболее значимым для осмысления Черным целей и задач анархизма². В частности, как раз во время первой ссылки Турчанинов продумал главные положения своего проекта, который затем попытался воплотить

¹ О деятельности Черного во время второй ссылки см.: [17].

² С некоторыми социально-экономическими аспектами учения Турчанинова можно ознакомиться в публикациях А. Гарявина [4; 5].

на практике в Москве. Резюмируя идеи, сформулированные в книге «Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм» (1907), можно сказать, что Турчанинов тяготел к индивидуалистическому направлению в анархизме (в противовес анархо-коммунизму). Он во многом опирался на наследие М. Штирнера (превознесение ценностей индивидуального человеческого «Я», свободного от всякой внешней власти и угнетения со стороны как государства, так и общества в целом).

Согласно Черному, в будущем анархическом сообществе, которое должно возникнуть после свержения государства посредством различных актов «прямого действия», индивиды смогут добровольно объединяться в рабочие ассоциации, сформированные главным образом из тех людей, которые заинтересованы в производстве конкретного вида товара. Именно трудящиеся станут собственниками основных средств производства (например, фабрик или заводов), вокруг которых и выстроится жизнь того или иного рабочего коллектива. В свою очередь, координация между различными «союзами производителей» будет организована за счет бюро, куда, по мнению Турчанинова, должны поступать запросы на тот или иной продукт с указанием соответствующего менового эквивалента. Важно отметить, что подобное бюро не является способом *централизации* рабочих ассоциаций, но именно средством *согласования* их деятельности путем информирования. По своему же характеру множество объединений трудящихся, скорее, будет близко к федерализму, где каждый субъект обладает равными правами, не ущемляя прав других субъектов. В некотором смысле в турчаниновской модели слышны отзвуки штирнеровского проекта «союза эгоистов», в котором каждый участвует для удовлетворения личных интересов за счет других людей и может выйти из него когда угодно по собственному желанию.

В 1910 г. Турчанинов из-за начавшихся преследований анархистов бежал во Францию, где подрабатывал таксистом, и вернулся в Россию в 1913 г.³ Он сразу же приступил к мобилизации анархического движения, выступая в Москве с докладами об анархической теории. Кроме того, благодаря его инициативе в 1917 г. были созданы две важные организации: синдикалистская «Федерация союзов работников умственного труда» и «Московская федерация анархистов», ставшая главным координационным центром анархистов в городе.

После 1918 г. большевистское правительство начало постепенно подавлять инакомыслие в стране. В связи с этим Черный неоднократно попадает под арест, не соглашаясь с большевистским режимом, в частности, он был косвенно причастен к теракту в Леонтьевском переулке в 1919 г. (подробнее см.: [12]). В итоге в 1921 г. Турчанинову предъявили

³ В этом же году в страну вернулся и Алексей Боровой (1875–1935), другой видный российский анархист и товарищ Черного по «Московской федерации анархистов».

сфабрикованное обвинение в изготовлении и распространении фальшивых денег. Из тюрьмы ему выйти уже не удалось — он был расстрелян в двадцатых числах сентября вместе с другими анархистами.

Таковы основные вехи биографии Льва Черного. Теперь поговорим подробнее о его программной работе «Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм» (1907), которая была переиздана в 1923 г. в Нью-Йорке и доступна современному читателю. Ракурс рассмотрения данной работы нацелен на то, чтобы представить Турчанинова не только с позиций убежденного анархиста, но и в качестве социального ученого, близкого к традициям европейской социологии.

Для достижения поставленной цели в названной работе необходимо найти ответы на ключевые для социальных мыслителей вопросы [11, с. 34], а именно: 1) что такое действие и как оно возможно; 2) что такое социальный порядок и как он возможен; 3) как возможны социальные изменения. Как мы увидим далее, ответы на эти вопросы в книге действительно присутствуют, что показывает значимость фигуры Турчанинова не только для отечественного анархизма начала XX в., но и для науки социологии, которая как раз активно завоевывала себе место в академическом сообществе России того времени (например, [6]). Черный может быть причислен к неакадемическим социологам, тем не менее знакомым с важными на тот момент авторами этой дисциплины.

Концепция действия в теории Турчанинова

Чтобы проиллюстрировать допустимость нашего предположения, что Льва Черного можно назвать не только анархистом, но и социальным ученым, разберем вводимое им в первой части книги разделение наук об обществе. Стоит сказать, что Турчанинов специально говорит о научном характере своей работы, утверждая, что он занимается эмпирическими исследованиями, а не простыми отвлеченными рассуждениями [18, с. 5].

Социальные науки, по мнению теоретика, делятся на социологию и социометрию⁴. Под социологией им понимается дисциплина, наследующая традиции Конта и, конечно же, Маркса (хотя тот скорее является объектом критики Черного). Назначение социологии, по Турчанинову, состоит в изучении законов социального развития: «Ныне все внимание сосредоточено на другой стороне общественной жизни — на изучении законов развития общества» [18, с. 6]. И чуть дальше: «Дело социологии — выяснить те материальные условия, которые, породив в нас соответствующие стремления, толкают нас к принятию того или иного строя» [18, с. 8].

Однако Черный отмечает недостаточность одного только социологического подхода. Изучение законов социального развития не

⁴ Любопытно, что термин «социометрия» будет позже введен в научный оборот благодаря американскому ученому Дж. Морено (1889–1974), однако видим, что он уже используется в работе Черного.

отвечает на другой важный исследовательский вопрос, а именно: чем является само общество, поскольку социология в турчаниновской трактовке уже имеет дело с этим институтом. Поиском ответа на второй вопрос занимается социометрия, цель которой — «описание типичных отношений» [18, с. 7] одного человека к другому для того, чтобы «представить все мыслимые строи, какие только могут возникнуть и сложиться между людьми» [18, с. 8].

Здесь необходимо указать, что социология и социометрия — не просто дисциплины, которые обращаются к предмету своего исследования исключительно из чистого интереса, но они решают идущую от Конта задачу социальной инженерии. Если социология способна выделить основные принципы и законы социальных изменений, то социометрия выясняет, чем различные способы общественного устройства отличаются друг от друга, позволяя понять, какой из них является наилучшим. Черный заключает: «Без социометрии не разобрать, куда идешь. Без социологии собьешься с дороги, впадешь в утопию, ибо, не зная тенденции развития, мы можем проповедовать отсталый идеал, пойти вразрез со стремлениями масс, выработавшимися в их борьбе за жизнь, и построить свой идеал на зыбучем песке» [18, с. 8].

Отметим, что по своему статусу социометрия близка к естественным наукам [18, с. 12], но, конечно, не тождественна им целиком и полностью. Благодаря методологическому сходству с ними — опоре на эмпирические факты — социометрия и обладает статусом строгой дисциплины, а не простых спекулятивных рассуждений, от которых желает отстраниться Турчанинов. Он пишет об этом так: «На этих-то фактических, независимых ни от каких субъективных взглядов, отношениях одного человека к другому мы и сумеем построить науку о типах, суть которых будет одна и та же в различные времена, какие бы названия такие типичные отношения ни носили, — науку объективную, истинную, не имеющую ничего общего с нашими изменчивыми чувствами и настроениями» [18, с. 10].

Как следует из приведенных цитат, предмет изучения социометрии — индивиды и отношения между ними. Если применить к теории Черного дихотомию «социологический реализм» — «социологический номинализм» в вопросе существования общества как самостоятельной реальности, окажется, что российский анархист является «социологическим номиналистом». Для Турчанинова подлинный научный интерес представляют индивиды, будучи той первичной материей, из которой составлена социальная действительность. Подтверждением этого тезиса служат следующие слова из работы: «Абстрактное понятие “общества” надо изгнать, заменив его индивидами, конкретными личностями... Так как общества нет, а есть лишь индивиды, теория власти общества есть теория цезаризма одних индивидов над другими» [18, с. 296].

«Социологический номинализм» Черного в том числе обусловлен его анархическими взглядами. Для него апелляция к обществу как са-

мостоятельному институту носит исключительно инструментальную функцию подчинения воли индивида абстрактной всеобщей ценности. Логика Турчанинова такова: «общая воля» принадлежит всегда лишь группе конкретных людей, но не обществу самому по себе. Эта группа, в свою очередь, преследует эгоистичную цель стремления к господству, а поэтому использует любые средства для подчинения себе других индивидов, не согласных с ценностями правящих верхов. Одним из таких средств и служит понятие «общества», ради которого отдельный человек должен поступаться собственными интересами, на деле жертвуя ими во имя небольшой группы, стоящей у власти.

Как же Черный понимает ту самую социальную материю — индивида? В теории индивида российский анархист заимствует ряд идей из предшествующей философской традиции. Например, ему близок гоббсовский механицизм: отдельный человек так или иначе представляет собой тело на фоне других тел как живой, так и неживой природы. В частности, показателем этой близости к Гоббсу является одно из определений свободы, которое Черный дает в своей работе. А именно, рассуждая о принципах, по которым можно отграничить одного человека от другого, он указывает: «Наша разграничительная черта [физическая неприкосновенность тела] отделяет одного индивида от другого в его движении, так что они могут двигаться, не прикасаясь друг к другу, не задевая друг друга» [18, с. 34].

Сравним этот фрагмент с рассуждением Гоббса из третьей части «Основ философии», которая называется «О гражданине» (1646), где философ пишет о свободе так: «Согласно нашему определению, свобода есть не что иное, как отсутствие препятствий для движения, например, вода в сосуде не свободна потому, что сосуд мешает ей вылиться, а если сосуд разбить, то она становится свободной» [7, с. 369]. Из приведенных слов следует, что как для английского мыслителя, так и для российского анархиста свобода — это в первую очередь физический показатель тела: отсутствие внешних ограничителей для его передвижения. Телесность оказывается первичной и неотъемлемой характеристикой человека, исходя из которой выстраиваются дальнейшие теоретические построения.

Помимо подчиненности человеческого тела физическому порядку мира, Черный говорит и о специфическом отличии людей от объектов природы: личность обладает также и *свободой воли*, что позволяет ей разрывать природный детерминизм. Это уже сближает мысль Черного с кантианской традицией, разделяющей субъекта на субъект феноменальный и субъект ноуменальный. В итоге Турчанинов приходит к выводу, что в человеке можно выделить два уровня — физиологический и духовный: «Наше “я” можно разбить на две части: во-первых, на физический организм; во-вторых, на “нравственное существо”» [18, с. 24]. Особенность физического организма состоит в том, что он включен

в цепь причинно-следственных связей мира, являясь просто одним из тел, к которому применимы все законы природы. Однако, рассматривая человека как физическое тело, мы используем одну лишь естественно-научную точку зрения, которая не отвечает в полной мере мировоззрению социального ученого. Подлинный же интерес для социометрии представляет исследование человека как нравственного субъекта.

Там, где речь идет о причинно-следственных связях, человеческое действие отсутствует, поскольку индивид не отличается от объектов неживого мира. Действия людей начинаются там, где человек рассматривается уже как уникальное существо, способное не только подчиняться законам природы, но и вырывать себя из связи причин. Поэтому Черный дает еще одно определение свободы: «свобода — это и есть свобода действия» [18, с. 66]. Не свобода выбирать или желать, по мнению Турчанинова, определяет человеческую природу, но именно свобода действовать. Без свободы действия свобода мыслить и желать бесполезна. Однако способность действия неотделима от физического пространства, поэтому она пересекается с предыдущим определением свободы как отсутствия препятствий для движения, поскольку действие человека всегда осуществляется в окружающем мире.

Таким образом, Черный различает человеческую активность в качестве элемента естественного детерминизма и в качестве проявления свободы воли. Российский анархист рассуждает об этом так: «Раз люди будут жить в обществе, то они будут раздражать друг другу нервы. Но есть раздражения, касающиеся нашего нравственного и физического “я”, есть не касающиеся. Если первые мы назовем активными, а вторые самопроизвольными, пассивными, то пассивные раздражения есть закон совместной жизни, они неизбежны в силу нашей телесной организации и природной среды, они суть продукты законов вселенной... Пассивные раздражения, причиняемые людьми, неотличимы от пассивных раздражений природы и животного царства... Другое дело — активные раздражения. Они — продукт воли людей» [18, с. 31].

Это разграничение позволяет ответить на первый поставленный нами вопрос, а именно: как Черный понимает действие и как оно возможно согласно его теории? Действие есть свободный поступок, проистекающий из воли человека и отличный от других феноменов мира, а также реактивного человеческого поведения. Тем не менее действие всегда подпадает в причинно-следственную связь, рискуя запустить собственную причинную цепочку, приводящую к последствиям, изначально не подразумевавшимся, поскольку действие человека происходит в физическом мире, подчиненном своим законам.

Социометрия, таким образом, занимается изучением индивидов, их действий и отношений друг к другу. Черный считает, что можно выделить фиксированный перечень возможных отношений между людьми. Он называет три типа: 1) подчинение, 2) господство и 3) уважение как

к собственной, так и к чужой личности [18, с. 15–16]. Черный полагает, что конкретное взаимодействие может быть понято на основе этой трехчастной теории: всякий единичный индивид по отношению к другому человеку может быть либо господином, либо рабом, либо же равным.

Каждый из названных типов отношений характеризует соотносительность с ключевым этическим принципом «не вреди», который Черный кладет в основу своей теории. «Не вреди» есть принцип неприкосновенности как физической, так и нравственной личности (моей и другого). Физическая неприкосновенность определяется неприкосновенностью чувства осязания [18, с. 25], а нравственная лежит в «незатрагивании нашего духовного “я”» [18, с. 28]. Где один человек является господином другого — там «не вреди» нарушается в отношении чужой личности; положение раба, в свою очередь, пренебрегает этой «заповедью» к собственному «я»; и только третий тип — уважение к себе и ближнему — не отступает от требования «не вреди» ни в одну из сторон.

«Не вреди» в том числе связывается с намерениями действия. Если человек затрагивает неприкосновенность другого в качестве элемента причинных связей мира, то подобное нарушение не будет «вредом» в полном смысле слова. Например, двое идут рядом, один спотыкается и задевает другого — тем самым, конечно, нарушается физическая неприкосновенность тел. Однако споткнувшийся изначально не преследовал цель причинить вред другому, это произошло под действием естественных законов, а потому такое событие допустимо рассматривать исключительно с естественно-научной точки зрения — как столкновение двух объектов в мире (два тела сталкиваются под действием силы тяжести, инерции и иных причин).

Или другой пример, близкий к примерам Черного: одного индивида может не устраивать внешний вид другого, в прямом смысле слова «раздражать», следуя терминологии автора. Однако если мы не способны установить изначальную мотивацию человека, сказав, что он целенаправленно оделся «раздражающим» образом, то и нельзя утверждать, что его внешний вид причиняет «вред» нашему чувству вкуса (то есть духовному «я»). Скорее, здесь действует только одна причинность: глаз устроен так, что получает впечатления из окружающего мира, частью которого и оказывается внешность людей, какой бы она ни была.

Поэтому Черный отдельным пунктом проговаривает, что необходимо смотреть не только на свершившееся взаимодействие между двумя людьми и более, но и на изначальную мотивацию, лежащую в его основе. Он пишет об этом следующим образом: «В нравственном поступке необходимо отличать и принимать во внимание два элемента: фактическое отношение и мотив; поступок будет нравственным только тогда, когда фактическое отношение и мотив хороши» [18, с. 68]. Иными словами, поступок, нацеленный на благо, но фактически оказывающийся безнравственным, равно как и наоборот, не является нравственным действием. Только там, где мотивы были бла-

гими и, в свою очередь, привели к благому действию, оно может быть охарактеризовано как нравственное. Если же при взаимодействии людей мотивация отсутствовала изначально, то подобное событие рассматривается просто как одно из физических явлений мира.

Подытожим сказанное. Мы увидели, что в основе концепции Черного находится индивид, способный действовать в силу свободы воли. Свободное действие выступает отличительной чертой человека на фоне других явлений природы. Действие, в свою очередь, определено мотивацией, поскольку только она показывает, что происходящее событие является человеческим действием, а не простым природным процессом, подчиненным естественным законам. Тем не менее действие осуществляется в мире, а поэтому всегда связано с физическими обстоятельствами, обусловленными человеческой телесностью.

Теория порядка в учении Льва Черного

Теперь попытаемся ответить на второй вопрос: что такое социальный порядок и как он возможен согласно мирозерцанию Турчанинова? В частности, по его мнению, порядок определен теми отношениями между людьми, которые лежат в основе текущего общественного устройства. Поэтому Турчанинов называет три способа организации человеческого общежития. Первый тождествен демократическому строю, поскольку «добродетель демократа — это подчинение воле большинства» [18, с. 41]. В таком типе порядка господствуют интересы всеобщего над индивидуальными, отдельный человек приносит себя в жертву «обществу».

Второй тип отношений (господство) формирует деспотический (монархический) строй, так как «принцип этого отношения — суверенитет “я” или произвол» [18, с. 48]. При этом виде порядка появляется один господин, для которого остальные люди оказываются рабами и инструментами его воли. Стоит отметить: Турчанинов полагает, что первый и второй типы формируются параллельно. С одной стороны, большинство индивидов стремятся к подчинению и принесению себя в жертву, а с другой — возникает та группа людей (или один человек), которые готовы принимать эти жертвы, возвышаясь над массой. Так создается институт государства.

И наконец, третий тип отношений (уважение к собственной и чужой личности) приводит к установлению анархического строя, наступления которого ожидает Турчанинов. В анархизме каждый человек будет уважать как себя, так и другого, не ущемляя ни чужих, ни собственных прав. Этот строй называется Черным ассоциацией, поскольку в его основе будет лежать принцип договора одних людей с другими: «В ассоциации я сам все решаю, примыкая к тому, что мне нравится, отвергая то, что мне антипатично: в ассоциации я сам себе господин... В ассоциации целиком проводится принцип “не вреди”, ибо в ней я никого не давлю, ни себе не позволяю вредить» [18, с. 55].

Далее можно отметить еще одно из важных условий порядка, которое имплицитно подразумевается в рассуждениях Турчанинова. Это *возможность воспитания* тому или иному строю. Этот тезис важен для Черного в качестве ответа на вопрос, способна ли власть, понятая как власть политическая, быть гарантом порядка.

По мнению российского анархиста, существующие политические институты (государство как таковое) не играют должной роли в организации и удержании порядка. Турчанинов рассматривает власть исключительно с негативной точки зрения — как осуществление господства одной группы людей над другой. Он пишет: «На вопрос, нужна ли власть для поддержания порядка, имеет ли она силу создавать порядок, ответ может дать только история. Что же она нам говорит? Она говорит, что власть — бессильна. Бессилие ее видно в переходные, переломные эпохи, когда народ, возмущенный порядками, стесняющими его свободу, поработавшими его душу, восставал и сбрасывал ненавистное иго» [18, с. 301].

В основе порядка, таким образом, лежит то, насколько индивиды готовы разделять те или иные ценности. Порядок поэтому невозможен без правильного воспитания — в человеке должна быть готовность принимать определенные нормы поведения: «... Не власть, не тюрьма, не штыки держат в обществе порядок, а правосознание народа. Когда в массе распространяется известное мирозерцание, ею одобряемое, то никакой власти не нужно, и строй существует и движется планомерно» [18, с. 301–302]. Без воспитания правосознания организующая сила институтов бессмысленна и бессильна.

Этот тезис покоится на определенных онтологических предпосылках в отношении человеческой природы. Готовность принимать порядок добровольно предполагает благость человека, способного быть носителем ценностей и норм без внешнего к тому принуждения, — социальность изначально присуща людям, что в этом пункте ставит Турчанинова в оппозицию к Гоббсу. Отсюда же следует и вера Черного в возможность договорных отношений между индивидами, координирующими свои интересы без ущерба друг другу, на основе чего создаются необходимые ассоциации: «А потому ни между индивидами одной ассоциации, ни между индивидами разных ассоциаций не может быть столкновений. У однородных — одинаковые цели. У разнородных — разные, но не сталкивающиеся» [18, с. 300].

Таким образом, порядок укоренен в личности индивидов, свободно разделяющих те или иные ценности, что, к слову, сближает взгляды Черного и французского мыслителя Этьена де ла Боэси (1530–1563), получившего известность за свой трактат «Рассуждение о добровольном рабстве» (ок. 1546). При ассоциации, как это было отмечено выше, договоры заключаются добровольно, потому что иначе это будет нарушением принципа «не вреди». Однако при других видах отношений — подчинении и господстве — люди избирают эти типы взаимодействия также свободно: одни в большинстве случаев добровольно

готовы жертвовать своим «я» в пользу всеобщего, другие, наоборот, добровольно делают свое «я» господином над ближними [18, с. 39].

Кроме того, для Черного важен тезис, что экономический фактор определяет сознание и жизнь человека. Средства производства поэтому играют свою роль при формировании порядка. Черный продолжает свои рассуждения следующим образом: «Правосознание, как вы уже знаете, не падает с неба. Оно определяется способами производства. Раз способы производства устойчивы, не дают материала для создания классов (а наш таков) [имеется в виду анархический строй], то правосознание делается прочнее и прочнее вследствие наследственной передачи. Наш строй будет развивать правосознание: “не вреди”, которое все более и более будет крепчать, а потому власти нельзя будет подняться даже на роль тормозильщика» [18, с. 302].

В этом фрагменте загадочным образом появляются слова о «наследственной передаче правосознания»; это показывает, что еще одной теорией, откуда черпал вдохновение Черный, был социальный дарвинизм. Poleмика со Спенсером, как и ссылки на него, составляют фундамент текста. Более того, ближе к концу работы читатель находит следующие слова: «Перейдем теперь к сравнению дарвинизма и анархии. Первое, поверхностное сравнение прямо говорит о полной солидарности анархизма с дарвинизмом. Чем дальше вы будете углубляться в этот вопрос, тем все крепче и крепче будет первое впечатление. Посмотрите бегло на наш строй — и вы увидите истину сказанного... Только наш строй, который не дает никому жить на чужой счет, который не давит ничьей воли, но, напротив, требует, чтобы каждый сам на себе нес ответственность за свою жизнь, вырастит крепких и могучих духом индивидов» [18, с. 355].

Здесь обнаруживается некоторая противоречивость учения Турчанинова. Его теория вобрала идеи многих авторов, взгляды которых зачастую оказываются взаимоисключающими. Как мы увидели, российский анархист способен переходить от кантианского наследия к дарвинистскому, не испытывая трудностей в совмещении этих философий. Не совсем очевидно, как можно трактовать анархию в качестве справедливого строя, где каждый человек уважает другого, основываясь на взглядах Дарвина, где акцент ставится на приспособлении к окружающей среде наиболее сильного организма. Идеал справедливости в таком случае не должен играть ключевой роли, поскольку целью является собственное выживание индивида, для чего хороши любые средства. Тем не менее Турчанинов специально акцентирует внимание на схожести анархизма и дарвинизма — вероятно, это не самый удачный ход в его рассуждениях.

Модель социальных изменений в концепции Турчанинова

Наконец, можно ответить на последний вопрос: как мыслитель понимает социальные изменения и то, чем они обусловлены? Согласно сделанному Черным разграничению социометрии и социологии этим вопросом должна заниматься вторая дисциплина. Социометрия рас-

смаатривает общество в его статике, описывая фундаментальные и универсальные отношения между индивидами. Динамика же этих отношений в качестве законов развития описывается социологией.

Исходя из изложенного выше, можно предположить, что социальные изменения, по логике Черного, также обусловлены изменениями в отношениях между индивидами. Преобразование отношений одного человека к другому, в свою очередь, связано с экономическими факторами. Когда меняются способы и средства производства, определяющие правосознание народа, тогда меняется и текущий строй: «История нас учит, что характеры людей не выкованы из стали, что они не неизменны, что в мире уже раз царила справедливость, что причина изменения характеров лежит вне индивида — во внешней среде... История нас учит, что там, где царит экономическая самостоятельность, там люди честны, справедливы и не знают, что такое эгоизм...» [18, с. 299].

Поскольку Черный частично разделяет марксистский тезис «бытие определяет сознание», изменения в социальном порядке, по его мнению, происходят тогда, когда изменяются материальные условия существования индивидов. Однако, помимо этого «простого» объяснения, на страницах работы российского анархиста можно обнаружить еще ряд любопытных рассуждений.

Отталкиваясь от трех типов основных моральных чувств — любви, эгоизма и справедливости, — лежащих в основе отношений подчинения, господства и уважения соответственно, Турчанинов полагает, что «в исторической жизни не может наблюдаться бесконечной эволюции морали; самое большое, что с ней может происходить, — это круговорот. В силу тех или других причин в исторической жизни один моральный цикл идей может сменять другой. Эгоизм может уступить место любви, любовь — справедливости, справедливость — эгоизму и т. д.» [18, с. 74].

Как видно, в этих размышлениях проглядывает главный «социологический закон» общественных изменений, а именно их круговорот и повторение в ходе истории. Можно предположить, что идея цикличности трансформаций в обществе у Турчанинова может быть связана с тем, что он черпал вдохновение в том числе из философии Фридриха Ницше. Как мы помним, одним из постулатов учения немецкого мыслителя является тезис о вечном возвращении «того же самого», обуславливающий критику телеологии и возможности установления конечной формы порядка.

Российский анархист, конечно, пытается частично дистанцироваться от философии базельского профессора, поскольку ницшевский пафос сверхчеловека и морали господ ему не близок⁵. Однако идеи Ницше

⁵ Вот что, например, Черный пишет о раздвоенных натурах у Ницше и о своей собственной «раздвоенности»: «Ницше ненавистны слабые, раздвоенные натуры, не уверенные в себе, борющиеся с собой. Действительно, это хилые и дряблые натуры. Прочитавши Ницше, не знаешь, куда примкнуть: чувствуешь, что есть правда и у Ницше, и у старых моралистов» [17, с. 71].

для Черного — это образец критики буржуазной культуры, рабского самосознания. Они подходят для задачи воспитания личности нового типа, чье поведение больше не определяется первым типом отношений, связанным с подчинением и принесением себя в жертву всеобщему.

Отсылки к автору книги «Так говорил Заратустра» присутствуют на протяжении всего текста и носят как критический, так и одобрительный тон. Это и служит причиной нашего предположения, что турчаниновская идея цикличности социальной динамики может быть связана с ницшевским вечным возвращением. «Круговорот» типов порядка есть главный социальный закон, динамизм — «природа» общества. Поэтому описываемый Черным анархический порядок является лучшим строем, но не строем конечным. На его смену, как было отмечено выше, вновь может прийти строй худший, который со временем также претерпит ряд изменений.

Заключение

Итак, подведем итоги анализа работы Турчанинова «Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм». Мы поставили цель ответить на три ключевых вопроса социальной теории — что такое действие, что такое порядок, что такое социальные изменения — с точки зрения того, как их понимал Лев Черный.

Действие для российского анархиста оказывается свободным поступком индивида, определенным мотивами. Действие человека необходимо отличать от естественных природных процессов, выстроенных на причинных связях. Черного, который за основу своей концепции берет действующую личность, можно назвать представителем «социологического номинализма»: для российского теоретика социальную действительность составляют индивиды и их деяния, изучением которых занимается социометрия. Поэтому социальный порядок также обусловлен взаимодействиями между людьми. Характер отношений одного человека к другому — подчинение, господство, уважение — и будет определять порядок в текущий момент истории.

Однако хотя Турчанинов и отводит ведущую роль в определении порядка и социальных изменений человеческим взаимодействиям, он также указывает на наличие законов перехода от одного типа порядка к другому: они определяются средствами и способами производства, трансформации в которых предполагают также изменения в обществе. Более того, Турчанинов разделяет ницшеанский взгляд на социальную действительность, отрицая возможность установления какого-либо конечного вида порядка, предполагая цикличность их смены.

Анархическая социометрия Льва Черного встраивается в общую логику развития социальных наук в XX в. По мнению отечественного философа и социолога Ю.Н. Давыдова (1929–2007), развитие социальных наук с момента их возникновения вплоть до настоящего времени определено попеременными всплесками двух типов социологических

установок: стабилизационного сознания и сознания кризисного (например, см. [10]). Давыдов считал, что начало XX в. было ознаменовано трансформацией в социальных науках и появлением того самого кризисного сознания. Основной причиной изменений стала философия Ницше, привнесшая в науку критику европейской веры в прогресс и возможности установления гармоничного человеческого сосуществования. Главным же симптомом возникшего кризиса оказался подход «социологического номинализма». Его ярким представителем на Западе был Макс Вебер, которого можно назвать ключевой кризисной фигурой европейской социологии начала XX в. В России к представителям оформившегося кризисного сознания допустимо отнести Льва Черного с его симпатией к идеям Ницше и концепцией индивидов как отправной точки социологических построений.

Сегодняшняя реактуализация анархических проектов может быть свидетельством глобальной тенденции рассмотрения индивидов в качестве фундамента социальных теорий. Таким образом, идеи Турчанинова с их близостью к традициям европейской социологии, философии и анархизма вновь могут стать источником вдохновения для современных мыслителей, открывая новые перспективы в социологической дискуссии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аладышкин И.* На «окраине» общественно-политической жизни Российской империи (к истории становления анархо-индивидуализма в первое десятилетие XX века) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Серия 2. № 1. С. 116–122.
2. *Бакит Д.* Лев Черный (П.Д. Турчанинов) в сибирской ссылке (1907–1910 гг.): Документы органов департамента полиции в реконструкции биографии деятеля российского анархизма // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 300–311.
3. *Волин В.* Неизвестная революция. 1917–1921. М.: Праксис, 2005. — 608 с.
4. *Гарявин А.* Социально-экономический строй будущего в теории ассоциационного анархизма Льва Черного // Петербургская историческая школа. Альманах: Приложение к журналу для ученых «Клио». Том 3. Памяти Е.Р. Ольховского. СПб.: Нестор, 2004. С. 143–156.
5. *Гарявин А.* Классовая теория Льва Черного // Анархизм: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент. П.И. Талерова. СПб.: РХГА, 2015. С. 687–693.
6. *Глотов М.* Участие П.А. Сорокина в процессе институционализации социологии в России // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 3. С. 133–141. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6680
7. *Гоббс Т.* Сочинения. В 2-х т. Т. 1. / Пер. с лат. и англ. Н. Федорова и А. Гутермана. М.: Мысль, 1989. — 622 с.
8. *Гордин А.* Лев Черный — Павел Дмитриевич Турчанинов (1875–1921) [электронный ресурс]. Дата обращения 15.07.2019. URL: <http://club.berkovich-zametki.com/?p=5882>

9. *Горелик А.* Анархисты в российской революции [электронный ресурс]. Дата обращения: 15.07.2019. URL: <http://socialist.memo.ru/books/html/gorelik.html>
10. *Давыдов Ю.* История теоретической социологии. В четырех томах. Т. 1. М.: Канон+, 2002. — 496 с.
11. *Йоас Х., Кнёбель В.* Социальная теория. 20 вводных лекций / Пер. с нем. К.Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2011. — 840 с.
12. Красная книга ВЧК. Т. 1. / Ред. А.С. Велидов. М.: Политиздат, 1989. — 416 с.
13. *Кривенький В.* Анархистское движение в России в первой четверти XX века. Теория, организация, практика. М.: Политическая энциклопедия, 2018. — 430 с.
14. *Максимов Г.* За что и как большевики изгнали анархистов из России? (К освещению положения анархистов в России) // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года [электронный ресурс]. Дата обращения: 15.07.2019. URL: <http://socialist.memo.ru/books/perli/maksimov.htm>
15. Политические партии России: история и современность / Под ред. А.И. Завелева, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2000. — 631 с.
16. *Рябов П.* Философия постклассического российского анархизма — terra incognita для историко-философских исследований (к постановке проблемы) // Преподаватель XXI в. 2009. № 3. С. 289–297.
17. *Сапон В.* Анархисты проектируют новую жизнь // Acta Eruditorum. 2017. Вып. 24. С. 23–29.
18. *Черный Л.* Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм. Нью-Йорк: Издание рабочего союза «Самообразование», 1923. — 408 с.
19. *Эврич П.* Русские анархисты. 1905–1917 [электронный ресурс]. Дата обращения 15.07.2019. URL: <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/polavrich-russkie-anarhisty-1905-1917>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Семиглазов Георгий Сергеевич — аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Телефон: +7 (905) 783-39-71. **Электронная почта:** dbrhe@mail.ru

Дата поступления: 20.03.2020.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2021.
VOL. 27. No. 1. P. 122–138. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.1.7847

*GEORGIY S. SEMIGLAZOV*¹

¹ National Research University Higher School of Economics.
20, Myasnitskaya, 101000, Moscow, Russian Federation.

LEV CHERNYI'S ANARCHISTIC SOCIOMETRY

Abstract. Anarchist teachings have become popular in the modern world. Due to this fact, it is necessary to examine the history of this movement, because many important

anarchists of the past are hardly known today. This article focuses on the ideas of Lev Chernyi (Pavel Dmitrievich Turchaninov), who was a Russian anarchist in the early 20th century. The author analyzes his program work “A New Direction in Anarchism: Associational Anarchism”, first published in 1907. The goal of the analysis is to introduce Chernyi not only as a dedicated anarchist, but also as a social scientist, familiar with the traditions of European sociology. Such a perspective is possible due to the terminology used by Turchaninov. In particular, the Russian anarchist divides social sciences into sociology and sociometry, defining the subject area for each field of knowledge. To reach the goal, it is necessary to answer several key questions of social sciences, namely, how Chernyi explains action, social order and social changes. The author claims that answers to these questions very well might be found in the work of Turchaninov. The conclusion is that Chernyi’s ideas are interesting not only for researchers of anarchism, but also for social scientists and philosophers, since Turchaninov has several concepts similar to the ideas of the classics of sociological thought.

Keywords: Lev Chernyi (Pavel Dmitrievich Turchaninov); anarchism; sociology; sociometry; individual; freedom; action; order; social changes.

For citation: Semiglazov, G.S. Lev Chernyi’s Anarchistic Sociometry. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 1. P. 122–138. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.1.7847

REFERENCES

1. Aladyshkin I. At the “outskirts” of the social and political life of the Russian Empire (to the history of the emergence of anarcho-individualism in the first decade of the 20th century). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2009. No. 1. P. 116–122. (In Russ.)
2. Baksht D. Lev Chorny (P.D. Turchaninov) in Exile in Siberia (1907–1910): Documents of the Police Department Agencies in the Reconstruction of the Russian Anarchist’s Biography. *Vestnik arhivista*. 2006. No. 3. P. 300–311. (In Russ.)
3. Volin V. *Neizvestnaya revolyutsiya. 1917–1921*. [The Unknown revolution. 1917–1921.] Moscow: Praxis publ., 2005. 608 p. (In Russ.)
4. Garyavin A. Socio-economic system of the future in the Lev Chorny’s theory of associative anarchism, *Peterburgskaya istoricheskaya shkola. Al’manakh: Prilozhenie k zhurnal dlya uchenykh “Klio”*. [Petersburg Historical School. Almanac: Supplement to the journal for scientists “Clio”.] 2004. No. 3. P. 143–156. (In Russ.)
5. Garyavin A. Lev Chorny’s class theory. *Anarchism: pro et contra*. Ed. by P. Talerov. St Petersburg: RHGA publ., 2015. P. 687–693. (In Russ.)
6. Glotov M. P.A. Sorokin’s Participation in the Process of Institutionalizing Sociology in Russia. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 3. P. 133–141. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6680 (In Russ.)
7. Hobbes T. *Sochineniya. V 2-h tomah. T. 1*. [Collected writings. In 2 Vols. Vol. 1.] Trans. from Eng. and Lat. by N. Fedorov, A. Guterman. Moscow: Mysl’ publ., 1989. 622 p. (In Russ.)
8. Gordin A. *Lev Chorny — Pavel Dmitrievich Turchaninov (1875–1921)*. Accessed 15.07.2019. URL: <http://club.berkovich-zametki.com/?p=5882> (In Russ.)
9. Gorelik A. *Anarkhisty v Rossiiskoi revolyutsii*. [Anarchists in Russian revolution.] Accessed 15.07.2019. URL: <http://socialist.memo.ru/books/html/gorelik.html> (In Russ.)
10. Davydov Ju.N. *Istoriya teoreticheskoi sotsiologii. V chetyrekh tomakh. T. 1*. [The history of the theoretical sociology. Vol. 1.] Moscow: Kanon+ publ., 2002. 496 p. (In Russ.)
11. Joas H., Knyobel’ V. *Sotsial’naya teoriya. 20 vvodnykh lektsii*. [Social theory. 20 introductory lectures.] St Petersburg: Aletejya publ., 2011. 840 p. (In Russ.)

12. *Krasnaya kniga VChK. T. 1.* [The VChK red book. Vol. 1.] Ed. by A. Velidov. Moscow: Politizdat publ., 1989. 416 p. (In Russ.)
13. Kriven'kii V. *Anarkhistskoe dvizhenie v Rossii v pervoi chetverti XX veka. Teoriya, organizatsiya, praktika.* [The anarchist movement in Russia in the first quarter of the twentieth century. Theory, organization, practice.] Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ., 2018. 430 p. (In Russ.)
14. Maksimov G. For what and how did the Bolsheviks expel anarchists from Russia? Towards anarchist status in Russia. *Rossiiskie sotsialisty i anarkhisty posle Oktyabrya 1917 goda.* [Russian socialists and anarchists after October 1917.] Accessed 15.07.2019. URL: <http://socialist.memo.ru//books/perli/maksimov.html>
15. *Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost'.* [Political parties in Russia. History and modernity.] Ed. by A. Zavelev, Yu.P. Sviridenko, V.V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN publ., 2000. 631 p. (In Russ.)
16. Ryabov P. The philosophy of post-classical Russian anarchism — terra incognita for historical and philosophical research (to the formulation of the problem). *Prepodavatel' XXI v.* 2009. No. 3. P. 289–297. (In Russ.)
17. Sapon V. Anarchists design a new life. *Acta Eruditorum.* 2017. No. 24. P. 23–29. (In Russ.)
18. Chornyi L. *Novoe napravlenie v anarkhizme: assotsiatsionnyi anarkhizm.* [The New Direction in Anarchism: Association Anarchism.] N.-Y.: Izdanie rabocheho soyuza "Samoobrazovanie" publ., 1923. 408 p. (In Russ.)
19. Evrich P. *Russkie anarkhisty. 1905–1917.* [The Russian anarchists. 1905–1917.] Accessed 15.07.2019. URL: <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/pol-avrich-russkie-anarhisty-1905-1917> (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Georgiy S. Semiglazov — post-graduate student, National Research University Higher School of Economics. **Phone:** +7 (905) 783-39-71. **Email:** dbrhe@mail.ru

Received: 20.03.2020.
